

Лев Бердников

Русский Галантный век в лицах и сюжетах

Книга вторая

Лев Иосифович Бердников Русский Галантный век в лицах и сюжетах. Книга вторая

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6540146

Русский Галантный век в лицах и сюжетах. Книга вторая: Издать

Книгу; 2013

ISBN 978-1-304-58747-3

Аннотация

В книге известного писателя Льва Бердникова предстают сцены из прошлого России XVIII века: оргии Всешутейшего, Всепьянейшего и Сумасброднейшего собора, где правил бал Пётр Великий; шутовские похороны карликов; чтение величальных сонетов при Дворе императрицы Анны Иоанновны; уморительные маскарады – «метаморфозы» самодержавной модницы Елизаветы Петровны. Автор прослеживает судьбы целой плеяды героев былых времён, с именами и громкими, и совершенно забытыми ныне. Уделено внимание и покорению российскими стихотворцами прихотливой «твёрдой» формы сонета, что воспринималось ими как победа над трудностью. Лавры этой победы – овладение художественным опытом Европы, с поправкой на российские вкусы и черты, на российскую веру в себя – мыслились как возвышение Отечества. Книга о тех,

кто способствовал развитию русской культуры и необычайно её обогащал, отчасти подготовив то, чем ныне она имеет право гордиться.

Содержание

Шуты, шутовство	6
Смиренный Аникита. Никита Зотов	6
Лютый и преданный. Федор Ромодановский	26
Кавалер Ордена Иуды. Юрий Шаховской	39
Из шутов – в адмиралы. Иван Головин	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лев Бердников
Русский Галантный
век в лицах и сюжетах.
Книга вторая

© 2013 Лев Бердников

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Шуты, шутовство

Смиренный Аникита. Никита Зотов

Дьяк Челобитного приказа Никита Моисеевич Зотов (ок.1644–1718) был с молодых ногтей беззаветно предан Дому Романовых. Ему доверяли ответственные задания самого деликатного свойства. “Тишайший” царь Алексей Михайлович поручил ему расследование злоупотреблений и казнокрадства боярина Ивана Хитрово, служившего на Дону. При царе Федоре Алексеевиче Зотов был отправлен в Крым для переговоров о мире со спесивым крымским ханом Мурад-Гиреем, что потребовало от московита немалого самообладания и изворотливости. А сколько немислимых унижений пришлось пережить Зотову (вкупе с другими эмиссарами царя) за долгие десять месяцев крымского плена! Басурмане не думали церемониться с русскими и отвели им весьма убогое помещение, скорее напоминавшее загон для скота. “Воистину объявляем, – писали заложники в Белокаменную, – что псам и свиньям в Московском государстве далеко покойнее и теплее, нежели там нам, посланникам царского величества, а лошадям не только никаких конюшен нет, и привязать не за что; кормов нам и лошадям ничего не давали, а купить с великою нуждою хлеба, и ячменя, и соломы

добывали, и то самую высокую ценою”. Истый государственный и патриот, Зотов, несмотря на все угрозы крымцев (а ему угрожали смертью), отчаянно отстаивал интересы России. Бахчисарайский договор с Мурад-Гиреем был, в конце концов, заключен, но на не слишком выгодных для России условиях. В этом-то “оскорбительном” для русских договоре обвинили как раз Зотова, забыв о том, что если бы не он, перемирия вообще бы не состоялось.

Портрет дъака Н. М. Зотова. Гравюра.

Вернувшись из крымского плена в Первопрестольную, Никита Моисеевич попал, что называется, из огня да в полымя. Он подвергся жестокой опале и был посажен под домашний арест. От Зотова шарахались в буквальном смысле как от чумы – запрещали видеться с друзьями и передавать другим личные вещи, опасаясь, что тот привез из Крыма моровое поветрие. Однажды его посетил пристав и приказал Зотову немедленно покинуть столицу и отбыть в свою деревню. Но Никита не сразу покорился: интуиция подсказывала ему, что именно здесь, в Москве, он вскоре будет востребован и оценен. Он тянул время, обставляя свой предполагаемый отъезд все новыми и новыми препятствиями; говорил, к примеру, что без письменного царского указа боится трогаться с места, “чтоб ему того в побег не поставили”. Отправиться в свое захудалое имение Донашево, что под Коломной, ему все-таки пришлось, но жить там довелось недолго: очень скоро туда прибыл специально отряженный вестовой с приказанием мчать Зотову в Москву и предстать пред царские очи.

Прибыв во дворец, Никита и ведать не ведал, отчего удостоился монаршего внимания. Не знал, что много лестных слов насадил о нем царю Федору Алексеевичу боярин Федор Соковнин – он-де, Зотов, муж и трезвый, и кроткий, и смиренный, и всяких добродетелей исполнен, и в грамоте и писании искусен. Все это было сказано боярином в нужном

месте и в нужное время, ибо царь озаботился тогда образованием своего малолетнего брата и крестника, царевича Петра (будущего императора Петра Великого), и как раз искал для него подходящего учителя и наставника. Все сошлось на Зотове: “Его кандидатура удовлетворяла всех, – отмечает исследователь Ирина Грачева, – и окружение царевны Софьи, озабоченно следившее за подраставшим Петром, и царя Федора Алексеевича, проявлявшего заботу о своем крестнике, и мать Петра, не доверявшую Милославским”.

Когда придворный спальник объявил Никите, что государь требует его к себе, тот “пришел в страх и беспмятство, так что не мог сдвинуться с места... Постояв немного и отдышавшись, сотворил он крестное знамение и истово, тихими стопами пошел со спальником во внутренние покои к царскому величеству”. Федор Алексеевич принял его ласково, пожаловал к руке и подверг испытанию: известный ученый-архиерей и стихотворец Симеон Полоцкий проверял знания Никиты и в чтении, и в письме, и в Священном Писании. Полоцкий остался доволен экзаменуемым и доложил царю: “Яко право то писание и глагол чтения”. Мать Петра, Наталья Кирилловна, стала напутствовать оробевшего Зотова: “Вручаю тебе едиnorodного сына моего, – объяснила она, наконец, причину его вызова в царевы палаты. – Прими его и прилежи к научению божественной мудрости и страху Божию и благочинному житию и писанию”. Тут только Зотов понял, в чем дело, и, “весь обливаясь слезами”, упал к ногам

царицы со словами “несь достоин прияти в хранилище мое толикое сокровище”, сиречь Петра. Та ободрила дьяка и повелела завтра же приступить к занятиям с царевичем.

На другой день Никита Моисеевич явился во дворец уже в качестве учителя. Патриарх отслужил по сему случаю молебен, окропил Петра освященною водою, благословил его и вручил Зотову. Новоиспеченный ментор был сразу же осыпан щедрыми дарами: патриарх пожаловал его ста рублями, Федор Алексеевич – двором в Москве, Наталья Кирилловна – двумя парами богатого одеяния.

Чему же обучал Зотов венценосного отрока? Прежде всего, старинному русскому школьному знанию XVII века, включавшему в себя традиционные букварь, часослов, Евангелие, Псалтирь и Деяния апостольские. Никита Моисеевич дополнил, однако, эти премудрости сведениями из истории, рассказывая юному Петру о прославленных российских и иноземных государях и героях прошлого. Педагогом Зотов оказался замечательным, ибо блестяще использовал в своем преподавании способ наглядного обучения. Воспользовавшись свойственным всем детям жадным вниманием к книжкам с картинками, он, по словам биографа Петра I Ивана Голикова, “велел изобразить красками и расписать всю российскую историю в лицах..., а притом и знатные европейские города, великолепные здания, корабли и прочее; и сии рисунки расположил по разным покоем, в которые, приводя его [Петра – Л.Б.], изъяснял ему оные и нечувствительно да-

вал ему разуть, что без знания истории невозможно государю достойно царствовать”. К тому же Никита Моисеевич привлекал весьма распространенные с конца XVII века так называемые русские лубочные листы с картинками светского содержания (их специально покупали для царевича в Овощном ряду в Москве). На гравюре того времени изображен бородатый Зотов, показывающий своему царственному ученику “потешные и учительные” картинки. Любопытно, что, став императором, Петр будет всячески поощрять лубочное производство, полагая, что такие картинки станут наглядной энциклопедией различных знаний и сведений.

Зотовскую науку Петр постиг довольно быстро: читал наизусть Евангелие и “Апостол”, сносно писал, знал обряды церковной службы и даже пел на клиросе “по крюкам”. И хотя потом Петр, с высоты своего универсального самообразования, отзывался о своем начальном обучении не вполне лестно, следует признать: уроки Никиты Моисеевича пробудили в нем ту удивительную любознательность и жажду нового, что впоследствии столь резко выделяло этого преобразователя России из общего ряда правителей.

В русской исторической романистике Зотов, особенно на раннем этапе, предстает истым христианином, благочестивым и скромным, строго соблюдавшим все православные обряды. Он рьяно служил делу Петра, с которым уже не расставался до конца своих дней. Рабскую покорность своему бывшему ученику Никита Моисеевич проявлял еще будучи

думным дьяком, то есть с 1683 года. Есть свидетельства, что юный царь даровал ему за службу то денежные суммы, то лисий и песцовый мех на кафтан, то сукно кармазин, то китайскую камку, то плетеную золотую нашивку и галун. Зотов неизменно сопровождал Петра в загородных и богомольных походах. И в знаменитой “потешной” Кожуховской баталии 1694 года он тоже был рядом со своим воспитанником.

Историк Сергей Соловьев назвал Зотова “старым, опытным излагателем царской воли в указах”, а потому Никита получил титул “ближнего советника”. Особенно он отличился в Азовском походе 1695–1696 гг., где заведовал походной канцелярией государя. Монархии приказы ему надлежало записывать и на военных бивуаках, и на поле брани. “Бдел в непрестанных же трудах письменных, расспрашиванием многих языков и иными делами”, – удовлетворенно говорил о нем Петр. И неслучайно на триумфальном шествии по случаю Азовской победы Зотов, со щитом и саблей в руках, горделиво восседал в парадной царской карете во главе церемониала. За Азов он получил от Петра “кубок с кровлею, кафтан золотный на соболях, ценою 200 р, золотой в 4 золотых да в вотчину 40 дворов”.

В бытность же противостояния царя и его амбициозной сестры, цесаревны Софьи, Никита сразу же занял сторону Петра и был первым из думных дьяков, прибывших ему на помощь в Троице-Сергиев монастырь. Тогда же, в 1689 году, Никита принял деятельное участие в расправе над мятежными стрельцами. Петр всегда безгранично доверял своему “дядьке”, поручил ему в 1698 году вести жестокий розыск по стрелецкому бунту. В прошлом тихий и робкий, Никита в угоду царю пытается и допрашивает с пристрастием врагов трона и рьяно “кнутобойничает” в Преображенском застенке.

Карьера его вполне задалась. С 1699 года он – думный дворянин и печатник, с 1701 – генерал-президент Ближней канцелярии. В 1702–1703 гг. при закладке Северной Пальмиры наблюдал за укреплением Шлиссельбурга и возведением одного из бастионов (получившего название “бастион Зотова”). К послужному списку Никиты надо прибавить, что он входил в состав “кумпанств”, совместными усилиями строивших военные и торговые корабли для России. Постепенно он становится состоятельным человеком: по реестрам Генерального двора, он имел 446 крестьянских дворов в Вяземском, Коломенском и Ружском уездах. Ему принадлежало и богатое подворье у Боровицких ворот Кремля, а также другие дорогие усадьбы в Москве.

Казалось, исполнительный Зотов потрафлял царю во всем, даже в мелочах. Тем большего внимания заслуживает сцена, в коей наш герой, зная импульсивность и крутой нрав Петра, не убоился перечить венценосцу. Однажды, за обедом, царь весьма осердился на воеводу Алексея Шеина за то, что тот производил офицеров в полковники не по заслугам, а за деньги. “В справедливом негодовании, – рассказывает очевидец, – царь подошел... к князю Ромодановскому и думному дьяку Никите Моисеевичу; заметив, что, однако, они оправдывают воеводу, до того разгорячился, что, махая обнаженным мечом во все стороны, привел тут всех пирующих в ужас... Никита Моисеевич, желая отвратить от себя удар царского меча, поранил себе руку”. Впрочем, царь

любил своего бывшего наставника, и подобные случаи были редки.

С начала 1690-х годов ведет свой отсчет организованный по воле Петра Всешутейший и Всепьянейший Собор, дикое оргии которого нужны были царю, чтобы преодолеть свою неуверенность и страх, снять стресс, выплеснуть необузданную разрушительную энергию. Историки рассматривают этот культурный, точнее, антикультурный, феномен как способ порвать со стариной, а также дискредитировать церковные традиции вообще и патриаршества в частности. Оказалось, что распрощаться с этим легче хохоча и кривляясь.

В этой шутовской иерархии Зотов получил звание “шутейшего князя-папы” и титул “архиепископа Прешбургского, всея Яузы и всего Кокуя патриарха (Прешбург – потешная крепость на Яузе, где проходили учения петровских полков; Кокуй – название Немецкой слободы в Москве). Произошло это на святочном празднестве в селе Преображенском, где сей разгульный потешный “священнослужитель” предстал во всей своей бесстыдной красе: митра его была украшена нагим Вакхом, посох – нагими же Венерой и Амуром, возбуждавшими страстные желания. За ним следовала толпа вакханок и селадонов с кружками и флягами, наполненными пивом и водкой. На мотивы церковных гимнов они пели ернические и похабные песни, а шутовской патриарх кадил в помещениях табачным дымом.

Согласно версии современника Франца (Никиты) Виль-

боа, “пьяница” Зотов, домогавшийся высокой должности, якобы сам напросился на сию шутовскую роль. “Ты будешь назначать кардиналов, которые будут князьями, – подбадривал царь честолюбивого Никиту, – обязанными восхищаться всем, что ты скажешь, и подчиняться этому... К этому я добавляю пансион в две тысячи рублей и за первые шесть месяцев заплачу тебе вперед, утверждая тебя в твоей новой должности”.

На самом же деле Никита Моисеевич отнюдь не страдал приверженностью к зеленому змию, а, наоборот, слыл трезвенником и постником. И, как это ни парадоксально, именно это и определило его назначение в пьяные патриархи. Ведь Собор, как и другие петровские кошунства, был одушевлен законами мировой карнавальной культуры, согласно которым действительность воссоздавалась здесь в перевернутом, “опрокинутом” виде. Все выворачивалось наизнанку: и надетые тулупы вывертывались вверх мехом, и человек представлял здесь в совершенно не свойственном для него положении. Так, четверо заик выполняли на всешутейших сборищах обязанности церемониймейстеров; толстяки, задыхавшиеся от ходьбы, – роль скороходов.

Отлынивать от участия в Соборе было столь же опасно, как от государевой службы. Известен такой случай: отличавшийся беспримерным косноязычием недоросль Иван Карамышев был назначен “быть при шутовском патриархе [т. е. Зотове – Л.Б.] в чтецах”. Измучившись непосильными обя-

занностями, тот сбежал домой, известив патрона, что занемог “животною и ножною болезнью”. Петр, однако, вытребовал его назад, настаивая на продолжении шутовского служения. Недорослю пришлось подчиниться: ведь за неповиновение царю любой мог быть выслан в Сибирь или даже казнен!

О том, сколь разительна была перемена, произошедшая в поведении Никиты Моисеевича, свидетельствуют факты. В 1690 году, когда состоялось избрание нового патриарха Адриана, богомольный Зотов был в числе тех, кто после торжественной церемонии в Успенском соборе благоговейно сопровождал сего пастыря в патриаршие палаты. А всего лишь несколько лет спустя, на официальной церемонии во дворце Лефорта, “думный дьяк Моисеевич, разыгрывающий роль патриарха, по требованию царя начал пить на поклонение. В то время как этот лицедей, подражающий духовному сановнику, пил, каждый должен был, в виде шутки, преклонить перед ним колени и просить благословения, которое он давал двумя чубуками, крестообразно сложенными... Тот же Моисеевич, с посохом и прочими знаками патриаршего достоинства, первый, пустившись в пляс, изволил открыть танцы”.

Сохранилось свидетельство очевидца кощунственного обряда вступления во Всешутейший собор, сопровождавшегося отречением от традиционных духовных ценностей и принятием прямо противоположных им новых. “Брали меня в Преображенское, и... Никита Зотов ставил меня в [потеш-

ные] митрополиты, и дали мне для отречения столбец, и по тому письму я отрицался, а в отречении спрашивали вместо: веруешь ли? – пьешь ли? И тем своим отречением я себя пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше бы мне было мучения венец принять, нежели такое отречение чинить”.

Подробно описывать кощунственные церемонии, оргии, празднества и шутовские свадьбы мы не будем. Скажем лишь, что Зотов был не просто их непременным участником, но и одним из главных действующих лиц. И все это Никита делал в угоду авторитарному царю. Он, в частности, ведал кубком Большого Орла о двух литрах, который заставлял выпить разом проштрафившегося придворного, после чего тот без памяти валился с ног.

Соборяне испрашивали у Всешутейшего благословение и состояли с ним в переписке, исполненной цинизма и кощунства. Свои послания князь-папа обычно заканчивал словами: “При сем мир Божий да будет с вами, а с нашего смирения благословение с вами есть и будет. Smirennii Anikit властною рукою”. Петр оказывал Никите Моисеевичу всевозможные почести и награждал своего “дядьку”.

После победоносной Полтавской баталии Зотов был пожалован царской “персоной” (т. е. портретом в драгоценной оправе). Но этого “дядьке” царя показалось мало. И в день взятия города Риги, 8 июля 1710 года, он испросил у Петра награду более весомую, а именно был возведен в графы Российской империи при таком рескрипте: “По проше-

нию и за службу Миките Моисеевичу Зотову дается навание “граф”, а также ближнего советника чин и ближней канцелярии генерал-президент”. Внизу грамоты рукой Зотова приписано: “Благодарствен за Вашу Государскую премногую милость”. В 1713 году царь утвердил графский герб рода Зотовых: “Сердце красное на поле синем округлом, пронзенное от земли на крест золотыми стрелами с короной, за тою и прочие гербовые знаки...”.

Историк Ирина Грачева эффектно назвала свою статью о Зотове: “Из шутов – в графы!”, подчеркнув тем самым, что титула сего он достиг своим скоморошеством. На самом же деле (и об этом свидетельствует начертанная рукой Петра I надпись на графском гербе Никиты: “Верность и терпение”) он достиг успеха благодаря долгоголетней верной и беспорочной службе-царю на всех занимаемых им должностях, где шутовство было лишь одной из граней его многотрудной деятельности. Неслучайно он будет определен в Сенатскую канцелярию и назван одним из пяти верховных господ – “принципалов”. В 1711 году Никита Моисеевич был назначен государственным фискалом, взяв на себя “сие дело, чтобы никто не ухоронился и прочего худа не чинил”. Именно за служебное рвение Зотов получил тогда высокий чин тайного советника.

В 1714 году произошло нечто чрезвычайное: семидесятилетний всешутейший патриарх Зотов решает совершить поступок – не в шутку постричься в монахи и определиться в

самый что ни на есть настоящий монастырь. Можно лишь догадываться, как надоели ему на склоне лет кощунства вкупе с беспрестанной пьяной вакханалией. Быть может, Никита вспоминал молодость, когда он, смиренный наставник царевича, тщился приобщить его к благочинному житию и страху Божьему. Вышло совсем наоборот – это Петр превратил его из трезвенника в бражника, приобщил к откровенным издевательствам над святостью и благочестием.

И вот впервые Никита решился послушаться: отпросился в Первопрестольную в надежде принять там постриг. Но царь, который рассматривал монастыри исключительно как прибежище для тунеядцев, остался непреклонен, посоветовав ему лучше приискать себе жену. (К слову, это была не единственная матримониальная инициатива царя: ранее, в 1712 году, он отверг прошение о монашестве престарелого графа Бориса Шереметева и самолично нашел ему суженую).

И в который уже раз Никита Моисеевич вновь покорился воле своего царственного патрона. “А в приезде, Государь, нашем [т. е. его и жены] в Петербург, – подобострастно писал он Петру, – какую изволишь для увеселения Вашего Государского публику учинить, то радостною охотою Вас, Государя, тешить готов!”

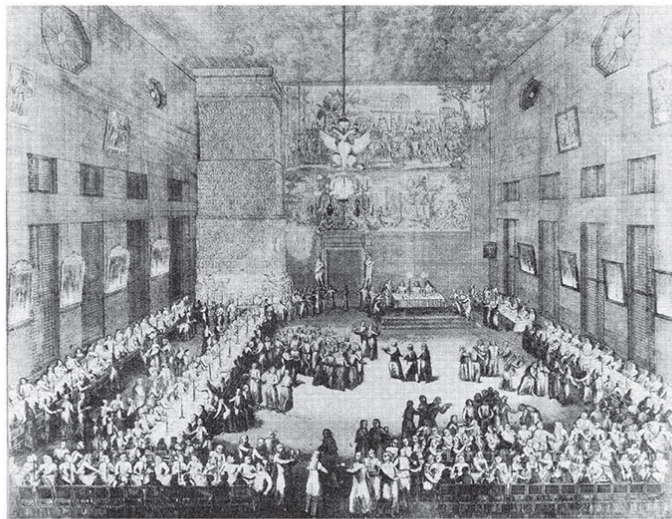
Узнав о приготовлениях к задуманной царем шутовской свадьбе, обеспокоились дети Зотова от первого брака, и, прежде всего, забил тревогу его сын, Конон Никитич. Тот сетовал, что его отец станет всеобщим посмешищем; кроме

того, как и его братья, боялся лишиться наследства. Конон написал царю отчаянное письмо, в коем слезно просил Петра отменить позорище и приводил подлинные слова отца: “Я бы и рад отречься от моей женитьбы; но не смею царское величество прогневать, сколько-де стариков собрано для меня, и платья наделано”. Письмо, однако, запоздало: он написал его 14 января 1715 года, а 16 января уже должна была состояться свадьба Никиты Моисеевича и вдовы Анны Еремеевны Стремоуховой, урожденной Пашковой.

Гости явились на торжество в самых экзотических карнавальных костюмах. Тут были лютеранские пасторы и католические епископы, бернардинские монахи и рыцари, рыбаки и немецкие пастухи, матросы, крестьяне и т. д. Поражала и этнографическая пестрота гостей: в свадебном поезде шествовали рядом армяне, китайцы, американские эскимосы, японцы, самоеды, турки, лопари, поляки, итальянцы и т. д. А какой шум поднялся! Оглушительные звуки барабанов, дудок, медных тарелок, флейт, свирелей, трещоток, сковородок, рожков, собачьих свистков, волюнок, колокольчиков, пузырей с горохом сливались в невообразимую какофонию.

Обрученная чета шла пешком, поддерживаемая четырьмя старцами. Их венчал поп девяноста лет от роду, специально выписанный из Москвы. На улицах выставили бадьи с вином и пивом и разные яства для народа. Многие кричали: “Патриарх женился! Патриарх женился!” и “Да здравствует пат-

риях с патриаршею!”.

*А. Шхонебек. Свадьба шута Феофилакта Шанского.
Мужская половина. Офорт. 1702.*

Точное описание этой шутовской свадьбы оставил камер-юнкер Фридрих Вильгельм Берхгольц: “Новобрачный и его молодая, лет 60, сидели за столом под прекрасными балдахинами, он с царем и господами кардиналами, она с дамами. Над головою князя-папы висел серебряный Бахус, сидящий верхом на бочке с водкой... После обеда сначала танце-

вали; потом царь и царица, в сопровождении множества ма-сок, отвели молодых к брачному ложу. Жених в особенности был невообразимо пьян. Брачная комната находилась в... широкой и большой деревянной пирамиде, стоящей пред домом Сената. Внутри ее нарочно осветили свечами, а ложе молодых обложили хмелем и обставили кругом бочками, наполненными вином, пивом и водкой. В постели новобрачные, в присутствии царя, должны были еще раз пить водку из сосудов, имевших форму *partium genitalium* [половых органов – Л.Б.]... и притом довольно больших. Затем их оставили одних; но в пирамиде были дыры, в которые можно было видеть, что делали молодые в своем опьянении”.

В 1718 году Всешутейший патриарх отошел в мир иной. Дети его, вынужденные вести с мачехой тяжбу из-за наследства, не уставали говорить о невменяемости старика-отца, “обретавшегося в младенческом состоянии”, и корили Стремоухову, что та “уморила его плотской похотью”. Царь же писал о Никите Моисеевиче: “Отец наш и богомолец князь-папа, всешутейший Аникита, от жития сего отъиде, и наш сумасброднейший собор остави безглавлен”.

Но – свято место пусто не бывает! – вскоре был найден новый князь-папа, дворянин Петр Бутурлин. Ему-то от почившего в бозе Зотова перешла вместе с шутовскими атрибутами и жена Всешутейшего патриарха – Анна Еремеевна.

Лютый и преданный. Федор Ромодановский

Существует легенда, о которой поведал панегирист Петра Великого Андрей Нартов. После поражения под Нарвой царь был озабочен нехваткой денег на артиллерию для новых батальонов с неприятелем. В смятении духа он решился было переплавить на пушки церковные колокола, как вдруг к нему обратился почтенный старик (царь называл его “дедушкой”): “Успокойся!.. Я помощь государству в такой крайности учинить должен... Пойдем теперь, но не бери с собой никого”. Под покровом ночи они прокрались в палату Тайного приказа, где “дедушка” подвел Петра к массивной железной двери. Заржавевший от времени замок с трудом поддался и “к несказанному удивлению, увидел его величество наваленные груды серебряной и позолоченной посуды и сбору, мелких серебряных денег и голландских ефимков... множество соболей, прочей мягкой рухляди, бархатов и шелковых материй”. Растроганный царь благодарил верного слугу и недоумевал, откуда сии сокровища. “Когда родитель твой царь Алексей Михайлович в разные времена отъезжал в походы, – отвечивал “дедушка”, – то по доверенности своей ко мне лишние деньги и сокровища отдавал на сохранение мне. При конце жизни своей, призвав меня к себе, завещал, чтоб я никому сего из наследников не отдавал до тех пор, разве воспо-

следует в деньгах при войне крайняя нужда. Сие его повеление наблюдая свято и видя ныне твою нужду, вручаю столько, сколько надобно...”.

Портрет Ф. Ю. Ромодановского.

Уточним: “дедушкой” именовался не кто иной, как князь Федор Юрьевич Ромодановский (1640–1717) – глава зловещего Преображенского приказа, князь-кесарь Всешутейшего, Сумасброднейшего и Всепьянейшего собора и начальник Первопрестольной русской столицы в одном лице.

Прямые потомки славного Рюрика, князя Ромодановские были особенно обласканы царем Алексеем Михайловичем. И дед, и отец князя получили при “тишайшем” высокие боярские чины. Когда под Москвой, в селе Преображенском, был создан государев Тайный приказ с его многочисленными подземными темницами и пыточным арсеналом, то руководство им было доверено Ивану Ивановичу Ромодановскому и фактически стало наследственным делом для всей его семьи. И отец нашего героя, Юрий Иванович, пользовался неограниченным доверием царя, был его любимцем и другом. При дворе находился сызмальства и Федор Ромодановский, ставший в 1675 году комнатным стольником. Потому привязанность к нему царя Алексея была велика.

Но подлинное возвышение нашего героя началось при Петре I. И символично, что Федор пестовал будущего российского императора буквально с колыбели. “Когда в 1672 году праздновалось рождение Петра Алексеевича, – сообщает историк, – то в числе десяти дворян, приглашенных к родинному столу в Грановитой Палате, князь Федор Юрьевич Ромодановский показан первым”.

В первый же год вступления юного монарха на престол Ромодановскому, “мужу верному и твердому”, доверяются весьма ответственное задания – подавление стрелецкого бунта, а затем надзор за мятежной царевной Софьей, заключенной в Новодевичий монастырь. Одновременно он становится и неизменным участником марсовых и нептуновых потех, столь любимых Петром. Так, осенью 1690 года потешные полки и дворянская конница под водительством Федора – “генералиссимуса Фридриха” побила армию другого “генералиссимуса” – Ивана Бутурлина, состоявшую из ненавистных царю стрельцов. Те же “генералиссимусы” возглавляли армии в потешном сражении осенью 1694 года, вошедшего в историю как Кожуховские маневры, где опять солдатские полки вкуче с рейтарами и драгунами Петра I сошлись со стрельцами... “Марш [армий] носил шутовской характер, – отмечает историк Николай Павленко. – Впереди Ромодановского маршировала рота под командованием царского шута Якова Тургенева. Ей предстояло сражаться под знаменем, на котором был изображен герб Тургенева – коза... Впереди Преображенского полка шли артиллеристы, среди них бомбардир Петр Алексеев [сам царь – Л.Б.]. В шествии участвовала рота в составе 25 карлов. Вся эта процессия двигалась под шум барабанов, флейт и литавр”. Победа осталась за войсками Ромодановского, которого называли “королем Пресбургским”. Всем участникам маневров этот “король”-триумфатор закатил великолепный пир.

Князь Федор Юрьевич был лют к тем, кого считал изменниками, бунтовщиками и предателями России. Неслучайно при Петре он возглавлял Преображенский приказ, ведавший политическим сыском, то есть был главным палачом державы. Одно его имя наводило на окружающих ужас и трепет. “Сей князь был характеру партикулярного, – свидетельствует князь Борис Куракин, – собою видом, как монстр, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян во все дни, но его величеству верный так был, как никто другой”. Кстати, о пьянстве: сам царь, относившийся к алкоголю, мягко говоря, терпимо, корил в письмах князя за то, что тот слишком часто “знался с Ивашкой Хмельницким” (то есть пил горькую запоем). “Неколи мне с Ивашкою знаться – всегда в кровях омываемся”, – оправдывался этот заплечных дел мастер.

Историки говорят об особом “пыточном таланте” Ромодановского, о том, что жестокостью он превосходил самого царя, который иногда называл его зверем и выражал возмущение (возможно, показное) его “кровопийством”. Розыск в подвалах приказа он вел под хмельком, осушив полштофа “бодрянки”. И ежели кто в лапы Федору Юрьевичу попадался, тот заранее должен был готовиться к отходной. Ромодановский подвергал обвиняемых самым безжалостным пыткам. “С дедушкой нашим, как с чертом вожуся, – писал по этому поводу Петр, – а не знаю, что делать. Бог знает, какой человек! Он казнил множество воров и убийц, но, ви-

дя, что злодеяния продолжаютя, велел повесить за ребра двести преступников”. Известно, что князь собственноручно отрубил головы четверем стрельцам. Неслучайно, путешествуя по Европе, Петр послал ему из Митава в подарок адскую машину (он назвал ее “мамура”) для отсекания голов. И Ромодановский не без удовольствия отписал царю, что этой “мамурою” уже обезглавлены два человека.

Даже мрачноватый дом князя, что находился рядом с Преображенским приказом, на Моховой, у Каменного моста, люди старались обходить стороной. Устрашали и герб Ромодановского на воротных столбах с черным драконом на золотом поле, и темные оконные занавески, подвешенные на клыки кабана, убитого князем на охоте (а стрелком он был знатным!). Судачили, что во дворе вырыты пыточные казематы: “с одной стороны там были железные решетки, через которые узникам просовывали еду, а с трех других сторон, чтобы предупредить возможность побега, был глубокий ров, где жили медведи, и предание гласит, что приговоренных к смерти, иногда еще живых, бросали в ров на съедение медведям!” А в покоях дома располагались клетки с говорящими скворцами, один из которых явственно голосил: “Дядя, водочки!”.

На дворе Ромодановского были приняты диковатые шутки: гостей встречал специально обученный медведь, который подносил каждому на подносе кубок перцовки. И если несчастный тушевался или отказывался пить, косолапый

нещадно драл гостя, на что хозяин лишь усмехался: “Медведь знает, какую скотину драть!”. Рассказывают, что эту медвежью забаву Петр I приспособил к пользе государственной: тот, кто в объятиях зверя праздновал труса, на царскую милость мог больше не рассчитывать. Такому унижительному испытанию подвергся и Павел Ягужинский, будучи уже генерал-адъютантом: взяв из лап косматого чарку, он осушил ее одним махом; зверь, однако же, не отпускал его. Тогда Ягужинский со всей мочи ударил медведя в промежность и спокойно сел за стол. На следующий день Ромодановский докладывал царю: “Твой Ягужинский зашиб моего Мишуту. Но скажу тебе, как перед образом, – орел!”. (Показательно, что А. С. Пушкин, занимавшийся углубленно историей Петра Великого, в своем романе “Дубровский” воссоздаст характерную сцену травли гостей ученым медведем.)

Федор Юрьевич приходился царю свойственником, ибо состоял в браке с сестрой жены его брата, Ивана V Алексеевича, Анастасией Федоровной, урожденной Салтыковой. И Салтыковы, и Ромодановские придерживались взглядов патриархальных, поначалу одевались и трапезничали по старорусскому обычаю. Вот как описывает князя Алексей Н. Толстой в своем знаменитом романе “Петр Первый”: “В светлицу, отдуваясь, вошел тучный человек, держа в руке посох, кованный серебром, и шапку. Одет он был по-старомосковски в длинный – до полу – клюквенный просторный армяк; широкое смуглое лицо обрито, черные усы закручены по-

польски, светловатые – со слезой – глаза выпучены, как у рака”.

Говорили, что хлебосольством князь превосходил прочих “птенцов гнезда Петрова”. Но изысканных блюд не жаловал, потчuya гостей русскими щами, бужениной из баранины с чесноком, ставленными медами, а также – после перцовки на закуску – пирогами с угрем. Страстный любитель охоты (которую Петр не любил), он обладал знатным охотничьим снаряжением, коeму могли позавидовать и самые искушенные в этом деле польские магнаты.

Сторонник старины, Ромодановский следовал, однако, всем новациям, введенным царем-реформатором. В угоду Петру I (правда, не без некоторого борения) он сбрил ветхозаветную бороду и облачился в немецкое платье. Мало того, он стал в этом пункте большим роялистом, чем сам король – нещадно раправлялся с теми, кто дерзал явиться к нему в дом в старинной длинной шубе и с бородой до пят. Такой незадачливый гость уходил от Федора Юрьевича в шубе, отрезанной до колен, и с бородой, торчащей из кармана, чтобы “ее в гроб положить, если перед Богом стыдно”. Оценивая подданных по ”годности” и отвергая притязания на исключительность со стороны природных аристократов, Ромодановский и здесь шел за царем. Сам потомок бояр, он, по словам А. С. Пушкина, стал истинным “бичом горделивости боярской”, высмеивая и унижая тех, кто кичился своим знатным родом.

В созданном Петром Всешутейшем соборе, члены которого имели каждый свой сан, Ромодановский занял самый высокий пост – князя-кесаря. Заметим, что сам царь был всего лишь скромным протодьяконом. И вот что характерно: соборяне часто употребляли в речи ненормативную лексику (вместо “монахиня” они говорили “монахуйня”, вместо “анафемствовать” – “ебиматствовать” и т. п.). По настоянию Петра все они получили матерные прозвища – сам Петр именовался “Пахом-пихайхуй” а, к примеру, бывший учитель царя Никита Зотов, помимо патриарха “от великих Мытищ до мудищ”, звался “Петрапизд”. И только один князь-кесарь Ромодановский был лишен бранной клички. Соборяне торжественно пели ему аллилуйю.

Как известно, кесарю – кесарево: Ромодановский, обладавший высоким шутовским титулом, был окружен отнюдь не шуточными почестями. Когда кесарь восседал на троне и произносил, как заклинание: “Пьянство Бахусово да будет с тобою!”, все ему раболепно кланялись, не смея даже поднять глаза от страха. Сам царь Петр Алексеевич целовал кесарю руку, а в письмах аттестовал его: “Государь”, “Min Her Kenich”, “Ваше Пресветлейшество”, “Ваше Величество”, себя же называл “рабом” и “холопом”, демонстрируя тем самым свое верноподданничество.

Некоторые исследователи склонны видеть в таком восхвалении насмешку царя над Ромодановским. Этот почин Петра сравнивают с известной лицедейской причудой Ивана Гроз-

ного, когда тот вдруг назвал “царем Московским” крещеного татарского князя Семена Бекбулатовича и писал ему льстивые послания. Но татарин пробыл на русском престоле недолго и был чисто ходульной фигурой, между тем как в руках Ромодановского Петр сосредоточивает вполне реальную, а подчас даже неограниченную власть. И речь идет не только о Преображенском приказе, где Федор Юрьевич хозяйничает по своему хотению. Отправляясь за кордон, царь доверяет ему Первопрестольную, приказав “править Москву, и всем боярем и судьям прилежать до него, Ромодановского, и к нему съезжаться всем и советовать, когда похочет”. Если Ромодановский – только шут, то как объяснить то, что царь поручал ему серьезнейшие и ответственные дела, от которых в буквальном смысле зависела судьба всей империи? Приведем отрывок из его письма к Ромодановскому от 22 февраля 1706 года, где Петр конкретно указывает князю: “Пороху изволь держать 25000 пуд постоянно всегда, а что убудет, сейчас дополнить. Фитилю 40 пуд изволь прислать; також 600 палуб для пороха и две тысячи телег простых с нарочитым числом колес и осей... Изволь, сделав... сим путем прислать в Смоленск”. И таких писем множество! Известно, что князь-кесарь скрупулезно выполнял все поручения царя, в особенности же это касалось поставок артиллерии для военных батальей. И Петр регулярно отправлял князю подробные рапорты с мест сражений, по-прежнему называя себя его нижайшим рабом.

Такое уничтожение всамделишного царя перед князем-ке-сарем тем более объяснимо, если учесть, что именно последнему было поручено производство подданных в чины за вполне реальные заслуги перед Отечеством. И касалось это прежде всего самого Петра, коему Ромодановский пожаловал звания полковника (1706), генерал-поручика и контр-адмирала (1709), вице-адмирала (1714). Подобная практика имела глубокий смысл, ибо показывала, что, несмотря на свое августейшее происхождение, цари должны заслужить перед народом и державой тот или иной чин. (Примечательно, что и последний российский император Николай II был лишь полковником армии.)

Многоликая, на первый взгляд, фигура Федора Ромодановского наводит на размышление о феномене шутовства в Петровскую эпоху. Петр Великий считал шутов “умнейшими русскими людьми” и многих из них назначал, наряду с потешными, на самые что ни на есть серьезные должности (так, князь-папа Никита Зотов имел чин действительного тайного советника, а Юрий Шаховской, он же архидьякон Гедеон, был гевальдигером, то есть полицейским экзекутором, и т. д.). Но важно то, что в сознании людей того времени строго очерченной границы между этими сферами деятельности не существовало – шутовство тоже рассматривалось как государева служба. А потому можно говорить о различных гранях личности Ромодановского – этого свирепого, но без лести преданного служителя делу великого Петра, истого пат-

риота России.

Кавалер Ордена Иуды. Юрий Шаховской

Можно только посетовать, что в современной России отсутствует орден Иуды, введенный некогда еще самим Петром Великим. А как было бы здорово увидеть сегодня такой презренный знак на груди какого-нибудь завзятого русофоба, бессовестного казнокрада, предателя интересов Отечества, ведь страна должна знать не только своих героев, но и своих антигероев! Собственно, таковым и был замысел царя-преобразователя, учредившего сию оригинальную награду для изменника – гетмана Ивана Мазепы (1644–1709).

Киевские письменники и историки тщатся нынче представить Мазепу ревностным борцом за “самостийность” и “незалежность” Украины, посвящая его апологетике целый ворох литературы вкупе с весьма тенденциозным фильмом “Молитва за гетмана Мазепу”. Однако у Петра I были свои веские резоны ненавидеть мятежного малоросса, предавшегося врагам России – шведскому королю Карлу XII и польскому королю Станиславу Лещинскому. Позицию Петра очень точно выразил писатель-эмигрант Владимир Максимов, назвавший имя Мазепы в числе имен, “покрытых несмываемым позором предательства, вероломства, клятвопреступления и измены”.

*И. С. Мазепа. С аллегорического портрета дьякона Мишуры.
Нач. XVIII в.*

Предательство это было тем более оскорбительным для Петра, что он до самого последнего момента питал к Мазепе самые дружеские чувства, безгранично доверял (и даже выдавал ему как клеветников всех, предупреждавших царя о готовящейся измене гетмана), жаловал с поистине гарун-аль-рашидовским размахом, сделав его владельцем 120 тысяч крестьян! Мазепа (второй в империи) получил высшую российскую награду – орден св. Андрея Первозванного. А Петр чрезвычайно высоко ценил свой орден, и потому измену андреевского кавалера воспринял особенно тяжело. В отличие от высокочтимого Андрея Первозванного, орден Иуды был задуман Петром как антиорден, как орден-перевертыш, и носить его надлежало вовсе не благородному кавалеру, а корыстолюбцу и предателю помазанника Божьего, Спасителя России – царя (параллель с проданным Иудой Спасителем Христом вполне очевидна).

Исполняя поручение Петра, Александр Меншиков отправил в Москву следующее повеление: “По получении сего сделайте тотчас манету серебряную весом в десять фунтов, а на ней велите вырезать Иуду, на осине повесившегося, и внизу тридесят серебряников лежащих и при них мешочек, а назади надпись против сего: “Треклят сын погибельный Июда, еже за сребролюбие давится”. И к той манете, сделав цепь в два фунта, пришлите к нам на нарочной почте немедленно”.

Петр намеревался надеть эту увесистую “манету” на шею

предателя, а затем примерно вздернуть его на виселице. Но планам царя не суждено было сбыться: бежавший вместе с Карлом XII в Османскую империю Мазепа в августе 1709 года испустил дух в турецкой крепости Бендеры. Царю пришлось ограничиться лишь преданием имени Мазепы анафеме и публичным надругательством над его портретом.

Но история со злополучным орденом на этом не окончилась. Совсем скоро его получил из рук Петра шут-князь Юрий Федорович Шаховской (1672–1713), который, собственно, спровоцировал на это царя сам. Вот пространное свидетельство датского посланника при российском дворе Юста Юля от 1 декабря 1709 года: “Царь рассказывал мне, что этот шут один из умнейших русских людей, но при том обуян мятежным духом, когда однажды царь заговорил с ним о том, как Иуда-предатель продал Спасителя за 30 серебряников, Шаховской возразил, что этого мало, что за Христа Иуда должен был взять больше. Тогда в насмешку Шаховскому и в наказание за то, что он, как усматривалось из его слов, казалось, тоже мог продать Спасителя, если бы он жил в настоящее время, только за большую цену, царь тотчас же приказал изготовить вышеупомянутый орден Иуды”. Простим мемуристу неточность: царю не пришлось ничего изготавливать наново – он просто переадресовал предназначенный для Мазепы орден своему придворному шуту. С этой наградой Шаховской, как свидетельствуют очевидцы, никогда не расставался и требовал к себе особого почтения.

Слова датчанина о “мятежном духе”, которым был одержим новый кавалер ордена Иуды, справедливы, если обратиться к истории рода Шаховских, чье прошлое вполне сопоставимо с предательством малорусского гетмана. В Смутное время предок нашего шута Григорий Федорович Шаховской служил ненавистному Московии Лжедмитрию I, а затем Лжедмитрию II, и был причастен к знаменитому восстанию Ивана Болотникова, за что был сослан в Кубенское озеро, в пустынь. Летописец метко назвал его “крови заводчиком”.

И позднее князья Шаховские отличались нелояльностью и неверностью царскому дому Романовых. В памяти москвитов сохранился язвительный политический бурлеск, представленный двоюродным дедом нашего Шаховского, Матвеем Федоровичем. То была пародия на избрание на царство в 1613 году первого Романова, Михаила Федоровича. Матвей Шаховской играл в этом действе роль самозванного царя и даже держал в руках монарший скипетр, в то время как другие его родичи изображали ближних к “его величеству” бояр и сановников. Подтекст был ясен – “затейным воровским обычаем” (как говорили потом об этом московские власти) бунтовщики старались подчеркнуть, что низкородные Романовы были правителями случайными, а потому вполне могли быть заменены княжеским родом, ну хотя бы таким, как Шаховские.

В 1620 году после официального расследования “о словах и делах Шаховских против монарха” Матвей Федорович с

сотоварищами были обвинены в “злодействах” и приговорены к смерти. И только благодаря вмешательству патриарха Филарета (отца Михаила Романова) казнь была заменена сибирской ссылкой, продолжавшейся четырнадцать лет. Лишь благодаря покаянию и обещанию “искупить свою вину царской службой” они были возвращены ко Двору. Но “при первых государях из дома Романовых Шаховские не поднимались высоко и только некоторые из них достигали думных чинов”. По-видимому, памятуя об аристократической фанатии рода Шаховских, князь Федор Ромодановский – этот “истинный бич горделивости боярской” – в письме к царю иронически назвал Юрия Федоровича “благочестивым князем, благородного корени, благоверные кости”. Таким образом, симптоматично, что внук царя Михаила Федоровича, Петр Романов наградил орденом Иуды отпрыска бунтарей – Шаховских.

обязанность вести строгий учет всех участников пьяных сборищ. Для мздоимца Шаховского такая бумажная канитель была особенно прибыльной – как свидетельствует современник, этот шут “наживал от того себе великие пожитки, понеже власть имел писать... из стольников и из гостей, из дьяков, из всяких чинов, из чего ему давали великие подарки”. Рассказывают также, что за деньги он готов был принимать даже пощечины, причем и от людей самого низкого звания. То, что Шаховской участвовал во “всепьянейших” вакханалиях, было “знаком особого царского доверия, визитной карточкой тех, с кем государь не только делил свободное время, но и кому давал ответственные поручения”.

Юрий Федорович служил царю осведомителем и наушником, что на современном языке называется не иначе, как стукачеством. Вот что говорит о Шаховском князь Борис Куракин: “И всем злодейство делал, с первого до последнего. И то делал, что проводывал за всеми министры их дел и потом за столом при его величестве явно из них каждого лае-вал и попрекал всеми теми делами, чрез который канал его величество все ведал”. Подчас шуты выполняли роль знаменитой карающей царевой дубинки: “И когда его величеству на которого министра было досадно и чтоб оно пообругать, то при обедах и других банкетах оным дуракам [шутам – Л.Б.] было приказано которого министра или которую знатную персону напоить и побить и побранить, то тотчас чинили, и на оных никому обороны не было”.

Куракин дает Шаховскому прозвище – “лепень-прилипало”, что характеризует шута как человека докучливого, навязчивого, вьедливого. Возможно, кавалер ордена Иуды и получил свою награду, чтобы доношением искупить вину своего рода перед Романовыми, потому-то он и вынюхивал иуд около трона и доносил о них царю. И знаменательно, что в 1711 году, то есть через два года после получения ордена, Петр назначил его на только что созданный пост главного гевальдигера, то есть начальника всей военной полиции России. В подчинении шута-орденоносца оказались военные прокуроры, фискалы и палачи с их зловещими причиндалами – виселицами, кандалами, оковами. Обязанности же его состояли в осуждении и экзекуциях предателей, дезертиров, паникеров, а также тех, кто сеял смуту и беспорядки. Так, человек, щеголявший орденом с изображением повесившегося на осине Иуды, возглавил службу, в ведении которой находилось повешение врагов Отечества. А это, понятно, уже не было игривой пародией. Должность Шаховского была в буквальном смысле убийственно серьезной.

Похороны Шаховского 30 декабря 1713 года при всей их помпезности были не серьезными, а скорее шутовскими. Гроб архидьякона Гедеона сопровождали бражники, именовавшиеся “духовными особами” Всешутейшего и Всепьянейшего собора, во главе с князем-кесарем и князем-папой. Так покидал сей мир первый и последний в российской истории кавалер ордена Иуды. Думается, однако, что и в се-

годняшней России немало кандидатов на этот забытый наградной знак. Серьезных кандидатов на получение потешного ордена!

Из шутов – в адмиралы. Иван Головин

Наследник знатного рода, Иван Михайлович Головин (1672–1737) был любимцем Петра Великого. Он начал службу комнатным стольником и сопровождал монарха и в Азовских походах (1695–1696), и по Европе в составе “большого посольства” (1697). Царь вознамерился послать его в Италию, где Головину надлежало учиться “корабельной архитектуре”. Пробыв за кордоном четыре долгих года, он вернулся, наконец, в Петербург. Монарх препроводил его в Адмиралтейство и подверг строгому экзамену. Тут-то и выяснилось, что Иван не ведал в корабельном деле ни уха, ни рыла. “Выучился ли ты по крайней мере по-итальянски?” – спросил рассерженный Петр. Головину пришлось ответить, что и тут он не преуспел. “Что же ты делал все это время?” – “Всемиловитейший государь! Я курил табак, пил вино, веселился, учился играть на басу и редко выходил со двора”, – откровенно признался этот горе-ученик. Как ни горяч был Петр, такой искренний и прямодушный ответ утишил его гнев. Он не только не наказал Ивана Михайловича, но велел нарисовать его парадный портрет, где Головин с трубкой в зубах, окруженный музыкальными инструментами, торжественно восседает за столом, а рядом валяются в небрежении навигационные металлические приборы. Более

того, царь дал ему прозвище “князь-бас” (игра слов: “бас” – одновременно и музыкальный инструмент, и, в переводе с голландского, “искусный мастер”), а также – вот, казалось бы, парадокс! – объявил его главным корабелом всего российского флота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.